

Алексей Арбузов:

Будь всегда самим собой...

Этой зимой московские театры предложили ряд спектаклей, которые еще долго будут обсуждаться и зрителями, и критикой.

На сцене Академического театра имени Моссовета премьера «Виноватые», пьеса А. Арбузова, написанная в жанре классической мелодрамы. Ради любви женщина оставила мужа и малолетнего сына, потом отец умер, мальчик рос и формировался один. И вот через 20 лет они встретились — мать и сын...

Признаюсь откровенно, пьеса показалась удивительно несвоевременной на фоне того, что происходит на сценах сегодня. Тут же у меня возникли вопросы к ее автору, моему отцу.

Но разговор наш, как мне кажется, вышел за рамки одной этой пьесы. Передаю его в краткой записи.

СЫН. До спектакля совсем немного времени, мне хочется побеседовать с тобой о твоей последней по времени пьесе. У меня возникают вопросы, которые, по моему мнению, могут появиться и у читателя, и у сегодняшнего зрителя...

ОТЕЦ. Поговорить очень бы хотелось, но не поступлю ли я при этом несколько опрометчиво? Ведь как-то странно получается: вчера писал пьесу, а сегодня сам подвергаю ее критическому разбору. Нравственно ли это? Профессионально ли? Я нахожусь в сомнениях... Может быть, вернемся к разговору после того, как ты посмотришь спектакль?

СЫН. Но в театре я увижу сценическую интерпретацию, а сейчас мы будем говорить, как читатель с автором. Мне как актеру (да думаю, что не только мне) очень интересно.

Итак, пьеса «Виноватые» написана после пьес «Жесткие игры» и «Победительница». В «Жестких играх» тобою поднята проблема «рассерженных» молодых людей. Их обиды на мир, чувство обделенности человечностью были возведены ими в догму, и по сути они платили своим близким той же монетой. А в «Победительнице» героиня свела на нет свою любовь, личную жизнь, осталась без семьи из-за карьерных соображений. Являются ли «Виноватые» продолжением твоих авторских раздумий, которые были выражены в этих пьесах?

ОТЕЦ. Без сомнения. Хотя «Виноватые», по моему, ближе «Воспоминаниям». Образы Дениса и Леонтия Соколика в какой-то мере как бы «выходят» один из другого. Помнишь: «...нет, не восторгают меня донкихоты. На людях, правда, мы все еще их превосходим, но втайне, оставшись одни, презираем. Ведь что ни говори, они смешны, а быть смешным — стыдно!» — это у одного. «Собравшись в путь по жизни, человек должен чувствовать свою мускулатуру, эта прогулка должна доставлять ему физическое наслаждение... Как на марше. И помнить он должен одно — не останавливаться ни перед чем». Это у другого. Оба они нравственно больны, только первый это глубоко осознает, второй же пытается спрятать свое смещение за внешней благополучием, которое на поверку оказывается достаточно иллюзорным... (Улыбнулся). Впрочем, если тебя интересует этот вопрос, внимательней читай мои пьесы.

СЫН. Ну почему ты так... Я отлично помню монолог Дениса, где он рассказывал о своем отце, который всю жизнь был добрый, стеснительный, честный. Не лгал, не притворялся, не обманывал, но в конце концов ничего не достиг. Так и остался ни с чем. И в противовес ему — дядя Захар, ловко, не останавливаясь ни перед чем, не гнушаясь никакими средствами, взбирается вверх по служебной лестнице... А как тебе самому кажется — важна ли сейчас эта «семейная» тема, поднятая и в «Виноватых»? Не является ли она неким второстепенным звеном в цепи проблем сегодняшних, актуальных, которыми наполнена наша жизнь, особенно за последнее время?

ОТЕЦ. Нет, наоборот, она как бы вытекает из того, что происходит сейчас в общественной жизни. Думаю, характер Соколика как раз и был порожден теми негативными явлениями, с которыми сейчас партия призывает бороться. Во время работы над пьесой я даже хотел выбросить монолог Марии Васильевны о дефиците совести — таким он мне казался излишне злободневным, ну прямо из газеты. Да, он был продиктован сегодняшними проблемами, в своем рассказе она как бы сталкивалась с тем, что окружало меня в моей жизни. «Все в нас, все в нас» — этими ее словами я ведь обращался к самому себе: так ли живу я? Ну разве второстепенна тема, которую я поднял в пьесе?

СЫН. Я этого не говорил, вовсе так не считаю!

ОТЕЦ. Сейчас многие говорят о том, что правда жизни в произведениях литературы, театра и кино — это программа, жизненная позиция. Слишком много было в последние годы лжи, облаченной в одежду парадности и показухи. «Правду, ничего кроме правды» — несется с трибун, театральных подмостков, газетных страниц. И это правильно, необходимо. Но разве, с точки зрения театра сегодняшнего дня, искусство уже отменено? Разве наскорее перелицованные газетные передовицы стали критерием истинного художественного творчества? Не будет ли это нынешнее поверье еще одной лажейкой для литературных и театральных халтурщиков при создании ими произведений-однодневок, как это не раз уже бывало в прошлом?.. Осторожнее — современный театр требует осмоторительности.

СЫН. Ну а если я тебя откровенно спрошу: зачем ты опять выбрал жанр мелодрамы? Не умаляет ли она проблемы, которые ты затрагиваешь в пьесе? Ибо наш XX век менее, чем какой-либо другой, близок к мелодраматическим переживаниям?

ОТЕЦ. В этом жанре, как ты знаешь, я работаю уже много лет, он мне не изменяет. Так же, как и я ему. Зритель его хорошо принимает, боится за героя, сочувствует ему, сопереживает с ним. Я не считаю, что этот жанр сейчас менее актуален, чем сто лет назад. Наоборот, жанр мелодрамы представляется мне зрелищным и яростным видом театрального зрелища, а не плаксивым стенанием типа: «Маруся отравилась — в больницу повезли» или «А он, разлучник, бросил нас, уехал в Крым или на Кавказ». Поэтому я никак не могу понять, в чем же злокозненность жанра мелодрамы? Чем она все-таки провинилась перед некоторыми критиками, которые этот жанр совершенно не принимают?

СЫН. Вероятно, кое-кто из зрителей или

читателей может задать вопрос: какое отношение к пьесе «Виноватые» имеет пьеса Островского «Без вины виноватые», а вернее сказать — существует ли влияние этой драмы Островского на пьесу «Виноватые»?

ОТЕЦ. Хорошо, отвечу. Я всегда был увлечен драматургией разных периодов в истории русской литературы. Это оказывало на меня магическое влияние. Критики частенько называют меня последователем чеховских традиций в драматургии. Это, конечно, очень лестно для меня, но я считаю себя прежде всего последователем великой русской литературы. Особенно Тургенева. Ведь к Чехову я пришел через увлечение и любовь к Тургеневу. Теперь об Островском. Обратимся к истории. В дореволюционные годы Мейерхольд был ярким приверженцем западной драматургии — комедии дель арте, Кальдерона, высокой трагедии. В студии на Бородинской комедия дель арте была главным предметом изучения. Всеволд Эмильевич тогда звался Доктор Дапертутто. Однако после гражданской войны одним из первых у него было возвращение к Островскому, к его «Лесу», а позднее и к «Доходному месту». Он понял, что Островский истинно народный драматург. «Лес» был чем-то очень близок Окнам РОСТА, поэтому Маяковский так любил этот спектакль, он был ему сродни. И потом... Мне было интересно взять ходячий сюжет (Островский сам его взял из французской классической мелодрамы). Здесь как бы сталкиваются литературные традиции XIX и XX веков. Мне захотелось ввести этот сюжет в русло современной драматургии.

СЫН. А теперь вопрос личного порядка... Меня, как человека, находившегося в возрасте главного героя пьесы «Виноватые» — Соколика, интересует, так ли уж влияет на судьбу личности неблагополучие в семье, не зависит ли все-таки судьба человека, тем более мужчины, от черт его характера?

ОТЕЦ. Характер формируется с детских лет в семье, затем в обществе. Сейчас, как мне кажется, наступил тот момент, когда семья начинает занимать первостепенное место в жизни общества. Повторяю, семья — это главенствующий элемент в нашей жизни.

СЫН. А я считаю, что сейчас происходит кризис семьи. Статистика это подтверждает, количество разводов все еще не уменьшается.

ОТЕЦ. Кризис семьи прежде всего фиксирует нездоровые тенденции в жизни общества. Частенько мы сейчас встречаемся с тем, что семья рассматривается как некое карьерное «мероприятие». Любовь, нежность, добро-сердечие приносятся в жертву планам продвижения вверх по служебной лестнице. Не моя задача искать лекарств от этой беды. Пишу историю Соколика для того, чтобы молодой зритель задумался: нет ли в нем зародыша такого рода отношений к близким людям?

СЫН. А как ты относишься к тому, что критики часто обвиняют тебя в некоей заданности драматургических ситуаций и характеров твоих персонажей? Помню даже, в одном учебнике я читал о том, что якобы откровенная дидактичность твоих пьес и твоя склонность к заранее благополучным финалам вели тебя к упрощенным художественным решениям.

ОТЕЦ. Да, я этого не оспариваю. И в образе Соколика существует заданность. Это естественно, потому что я драматург-моралист, пусть это сейчас выглядит старомодным, но ничего не поделаешь.

Драматургия, лишенная морали, гражданственности, мне ненавистна. Сейчас стали появляться пьесы, напроць лишенные этих необходимых, на мой, конечно, взгляд, качеств. И критики рады, и некоторые зрители тоже, а меня это возмущает. В пьесах так называемой «новой волны» драматурги как бы гордятся тем, что они не моралисты. Их роль сводится всего лишь к тому, чтобы освещать не слишком светлые уголки нашей жизни. Вряд ли стоит тратить время на рассмотрение подобных душераздирающих конфликтов. Вот это и есть, возвращаясь к одному из предыдущих твоих вопросов, мелодрама дурного толка. А для меня театр остается прежде всего трибуной. Хотя я мог бы назвать примеры того, где драматурги не чужаются роли морализаторов, где есть гражданский пафос, а не «хлопанье». Например, пьеса Ставицкого «Улица Шолом Алейхема, 40» кажется мне подчеркнута театральной и художественно выразительной...

Однако уже седьмой час, беги. Мне хотелось сказать только, что московские театры не очень часто баловали меня верной интерпретацией моих пьес, но я каждый раз с волнением жду встречи со своими героями на сцене. Надеюсь на счастливый исход...

...Вечерет. Этой зимой в Москве невероятное количество снега. Его выпало так много, что юные машины-дворники, едва успев наскоро вычистить Старый Арбат («Сказки Старого Арбата» — припомнилось мне название одной из пьес отца) и прилегающие к нему уютные переулочки, через час-другой принимаются за дело снова. И здесь, на Плющихе, где живет драматург Арбузов, сугробы вздымаются выше и мешают мне лететь истинно московской походной, чтобы вовремя вскопчить в троллейбус и добраться до площади Маяковского... Думаю о неоднозначности подхода художника к явлениям нашей жизни. Вроде бы не новая мысль... Но как все-таки труден путь, который выбирает для себя автор пьес на современную тему! Подходы разные, это естественно... Но мера правды и мера подлинного искусства должны быть едины.

А вот и сад «Анвариум». Итак, в Театре имени Моссовета премьера — «Виноватые». На дальних подступах к метро спрашивают «лишний билетик»...

Вел беседу
Кирилл АРБУЗОВ,
актер Центрального детского театра,
МОСКВА.